

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Владимир Ильин

Сыктывкар

«Класс» – это одно из ключевых понятий социологии на протяжении всей ее истории. Но его использование началось гораздо раньше – еще в Древнем Риме. В Новое время оно получило распространение в обществоведении¹. Долгая жизнь этого понятия привела не к его прояснению, а к основательной путанице. В результате сейчас уже некорректно использовать понятие класса без разъяснения смысла, в котором оно используется в конкретной работе. Содержание понятия класса трансформируется при его переходе из одной концепции в другую. Эрик Райт весьма точно сравнил эту категорию с *«хамелеоном, который меняет окраску фактически в каждой социологической традиции»* (Wright 1979: 3).

Ситуация в современной социологии весьма противоречива. С одной стороны, западное общество у основной массы социологов не вызывает особых сомнений относительно своего классового характера, а российское общество движется в сторону формирования классовой структуры, в общих контурах напоминающей западную. С другой стороны, теория классовой структуры давно находится в глубоком кризисе, поскольку далека от того, чтобы дать сколько-нибудь внятную картину этой стороны жизни современных обществ.

Кризис проявляется в том, что классических концепций уже явно недостаточно для анализа классовой структуры. Главными социальными сдвигами, сделавшими наследие К.Маркса и М.Вебера недостаточным, стали, во-первых, переход западных обществ еще в начале XX ве-

¹ Об истории категории класса см. Замогильный (1989, 1991).

ка в эпоху корпоративного капитализма и движение современной России также в этом направлении; во-вторых, появление массового нового – среднего – класса. Эти феномены плохо укладываются в рамки классических теорий.

Разочарование в классовом анализе является естественной реакцией на это противоречие, возникшее между предметом и имеющимся научным инструментарием. Особенно сильно разочарование в России. Новая усложненная социальная реальность отражается в зеркале российского обществоведения, выросшего из решительного отказа от вульгаризированной версии марксистской теории, которая у многих вызывает аллергию.

В последние десятилетия было сделано несколько крупномасштабных попыток модернизации классических концепций – как марксовой, так и веберовской. Среди них особенно заметны концепции Р.Дарендорфа, Д.Голдторпа (Erikson & Goldthorpe 1993) и Э.Райта. Однако ни одна из этих попыток, как мне представляется, не оказалась удачной. Их авторы шли по пути отхода от понимания классов как социально-экономических общностей, смещая интерес в сторону иных структур. В постсоветской России в эмпирических исследованиях классовой структуры явно делается переход к изучению слоев, называемых «классами»².

1. Субстанционалистская и структуралистская парадигмы классового анализа

С точки зрения субстанционалистской парадигмы, классы – это большие группы людей, обладающих теми или иными социальными признаками. Эта парадигма работала вполне успешно в рамках классического капитализма, где доминировала простейшая форма частной собственности, в которой один индивид или семья владели одним предприятием (фермой, ларьком, фабрикой или банком). Наступление эпохи корпоративного капитализма, где индивидуальный собственник предприятия встречается лишь в мелком бизнесе, вполне естественно вызвало кризис традиционного классового анализа. Здесь предприятием, как правило, управляют те, кто не являются его собственником, собственность расплыта между массой акционеров, многие из которых никогда этого предприятия не видели и владеют одновременно пакетами акций разных фирм. Многие наемные работники одновременно являются собственниками акций как своих, так и чужих предприятий. В таком обществе привязка классовой структуры к группировке индивидов становится

² Представления о классовой структуре в современной российской социологии хорошо описаны в сборнике «Средний класс в современном российском обществе» (см. Горошкова и др. 1999) и монографии Н.Тихоновой (1999).

ся очень большой натяжкой, естественной реакцией на которую является вывод о том, понятие класса безнадежно устарело.

Постсоветская Россия, как и все постсоциалистические общества, ставит дополнительные проблемы: здесь классовое совместительство стало широкомасштабным явлением. Героями нашего времени стали учителя – рыночные торговцы; врачи, работающие в государственных больницах и имеющие частную практику; рабочие, часть времени посвящающие частному извозу; наемные директора предприятий, являющиеся в то же время собственниками частных фирм и т.д.

С точки зрения структуралистской традиции, классы – это определенные конфигурации социальных отношений, социальные поля. Индивиды представляют собой иную реальность, которая может быть связана с классовыми полями, но не сводима к ней. Иначе говоря, люди входят в классовые позиции и выходят из них, как они входят в дома, занимают и освобождают рабочие места, совмещая несколько мест работы. Разумеется, есть и иной вопрос: как легко войти и как легко выйти? Большинство не меняет своей классовой принадлежности на протяжении всей жизни, как, впрочем, и города, жилища, семьи, места работы и прочие элементы среды. Однако наличие у многих людей жесткой связи с жилищами не является основанием для определения домов как групп людей. Есть люди, а есть позиции – рабочие места, жилища и т.д. Классовые позиции столь же автономны по отношению к индивидам.

Классовые статусные позиции существуют в социальном пространстве, когда их занимают живые люди. Это и создает впечатление, что классы – это люди, а классовые отношения – это отношения людей. Классовые позиции – это устойчивые процессы, субъектами которых выступают люди. Классовые статусные позиции – это не кожа, а одежда индивидов. Ее можно носить всю жизнь, но это не означает, что она является неотъемлемой частью человека.

Классовые позиции формируют особые участки социального пространства (поля), различающиеся конфигурациями социальных отношений. Каждый такой участок – своего рода силовое поле, которое вынуждает попавшихся в него индивидов (членов класса) следовать определенной логике поведения, навязывает ограничения, предоставляет разные возможности. Классовое силовое поле предопределяет границы свободы индивидуального выбора. Нельзя выйти за эти границы свободы, не покидая пределы соответствующего классового поля.

Акцент на определении классов как определенной конфигурации социальных отношений прослеживается и в классических концепциях К.Маркса и М.Вебера. Однако в контексте современного им общества не было особой необходимости в аналитическом разведении индивидов и занимаемых ими позиций. В эпоху Маркса человек-капиталист вполне

мог выступать как персонификация капитала, а веберовская «классовая ситуация» совпадала с положением индивида на рынке.

В чем смысл противопоставления субстанционалистской и структуралистской парадигм? В первой традиции индивид — это всегда и во всем представитель своего класса. Эта логика очень характерна для вульгарного марксизма, например в его сталинском варианте: сущность каждого человека является классовой. Отсюда не случаен интерес, проявлявшийся к «социальному происхождению»: классовое положение дедушки должно предопределять политическое поведение внука, поэтому сын отвечает за отца и также подвергается репрессиям как «классовый враг», даже если он всю жизнь простоял у станка. Соответственно, пролетарий, пересев в кресло министра, остается пролетарием.

С точки зрения структуралистской парадигмы, индивид следует логике классового поля, лишь находясь в нем. Поэтому пролетарий, перешедший в аппарат, становится чиновником, приобретает чиновничьи интересы и ведет себя в соответствии с аппаратной логикой, подчиняется давлению этого силового поля. Пролетарское происхождение важно лишь как фактор его социализации, позволяющий судить о полученном образовании, воспитании и т.д., но отнюдь не о нынешних социальных интересах.

Поэтому идея диктатуры пролетариата, как она сформировалась в СССР, изначально была утопией, а затем стала неуклюжим мифом. Рабочий, ушедший в органы партийно-государственной власти, перестает быть членом своего класса, приобретает новые бюрократические интересы.

Установление жесткой связи между поведением индивида и его классовой позицией — это проявление вульгарного структурализма, в том числе в марксистской форме. С точки зрения этой логики, классовая позиция жестко предопределяет действия, мировоззрение индивида. Отсюда идеализация пролетариата: от всех членов класса ожидалось «пролетарское поведение».

Однако надо иметь в виду, что классовое силовое поле действует не только в своих пределах, но более или менее и вне их. Поэтому член одного класса может строить свою жизненную стратегию с точки зрения логики другого класса. Чаще всего это проявляется в стремлении рабочего накопить денег и открыть свой бизнес, в мечте мелкого лавочника стать крупным торговцем. Поэтому взгляд на мир у человека может быть не из собственной классовой позиции, а из соседней, которая принимается как потенциально собственная («Когда-нибудь и я буду там»). Личный или групповой идеальный проект, овладевший сознанием, превращается в материальный фактор. Однако эта свобода по отношению к своей классовой позиции ограничена. Так, можно голосовать на выборах за представителя чуждых классовых интересов, рассчи-

тывая, что скоро удастся сменить позицию, можно подражать в стиле потребления представителям другого класса, однако в самом существенном выйти за рамки своего классового поля нельзя. Так, нельзя играть роль крестьянина, не имея земли, роль буржуа, не имея капитала и т.д. Как земное притяжение ставит на место чудака, который возомнил себя птицей, так и логика классового поля ставит вполне определенные пределы заблуждениям.

Если класс – это силовое поле, то снимается проблема, активно обсуждавшаяся в западной социологии: что является единицей анализа – индивид или семья? В классовое поле может войти и один член семьи, и несколько. Но членами класса являются только те, кто выходит на рынок труда и капитала в качестве самостоятельного субъекта. Следовательно, домохозяйки, пенсионеры, дети не являются членами класса, они просто находятся в зоне действия его силового поля, которое формирует поле возможностей семьи, но это предмет особого анализа.

В то же время структуралистская парадигма позволяет более точно анализировать ситуации нахождения одного индивида одновременно в нескольких классовых позициях. Например, рабочий в свободное от работы время (очередной отпуск, выходные, отпуск без содержания и т.д.) занимается мелким бизнесом (явление, характерное для постсоветской России). Крестьянин, мелкий фермер одновременно работает на фабрике в ближайшем городе. Субстанционалистская парадигма, применяемая в социологических исследованиях, выходит из противоречия, вынуждая респондента идентифицировать себя с какой-либо социальной группой, и закрывает глаза на противоречивость индивидуального социального положения. С точки зрения структуралистской парадигмы, здесь нет никакой путаницы: просто часть дня человек находится в одном поле, а часть – в другом. Есть противоречия личностные, но не социальной структуры. В фокусе классового анализа находится качество классового поля, а конкретный индивид может в разной степени углубляться в него, находиться одновременно в разных полях.

Переход к структуралистской парадигме, использующей в качестве единицы классового анализа поле, создает серьезные трудности в использовании традиционных методов массовых опросов. Во многих случаях привычные методики оказываются просто неприемлемыми. Но если метод не срабатывает, то винить в этом чересчур сложную социальную реальность – не самая адекватная реакция.

Структуралистская логика теоретического анализа диктует иную методологию эмпирического исследования. В качестве объекта исследования, с одной стороны, выступает классовое поле. Предметом исследования может быть объем капиталов, потребительских товаров, сконцентрированных в каждом из них. В фокусе исследования оказывается граница классового поля, которую в разных направлениях пересекают

индивиды. В эмпирическом количественном анализе единицей становится событие: факт пересечения границы и его направление. Число событий может превышать численность индивидов. Таким образом, в методике сдвиг делается в пользу событийного анализа. Смещение акцента с индивидов на поля и их границы требует усиления роли качественных методов. Характер классового поля и его динамики с помощью массовых опросов не проанализируешь. Опросы могут лишь уточнить масштабы движения через границы классовых полей.

С другой стороны, объектом исследования являются и индивиды. Но фокус сдвигается на социальные портреты участников событий: возрастные, этнические, расовые, гендерные и т.п. характеристики людей, пересекающих границу в том или ином направлении. Другой ракурс – типы траекторий людей в классовом пространстве. Здесь есть перспективы и для биографического метода.

2. Логика структуралистско-конструктивистского классового анализа

Структуралистско-конструктивистская парадигма развивает классическую структуралистскую традицию, но с акцентом на деятельности людей в формировании (конструировании) классовых статусных позиций. Люди творят собственные классовые позиции из имеющегося материала, формируют своими совокупными усилиями классовую структуру, которая воспроизводится в их повседневной социально-экономической практике. Однако классовая структура, являясь плодом более или менее осознанной деятельности людей, борющихся за свои интересы в социально-экономической сфере, превращается во внешнюю по отношению к ним структуру, силовые поля, предопределяющие дальнейшую логику их поведения. Классовое поле представляет собой внешнюю среду по отношению к индивидам, находящимся в нем, но оно существует лишь в форме деятельности этих людей. Свобода и необходимость здесь тесно переплетаются.

Классовая позиция как структурированная деятельность

Классовая позиция, поле не существуют без индивидов. Их материальным воплощением являются структурированные особым образом устойчивые формы человеческой практики, деятельности, например покупка рабочей силы, ее продажа, получение прибавочной стоимости, дивидендов и т.д. Капитал – это также устойчивая форма социальной практики. Без людей ключевые элементы классового анализа превращаются в чистые абстракции, существующие лишь в сознании социоло-

га. Даже вещественные атрибуты классовых отношений – это лишь внешние условия, вокруг которых структурируется человеческая деятельность. Например, сами по себе средства производства (не работающая фабрика) ничего не значат. Они превращаются в элемент классовой структуры, когда для работы на них нанимаются рабочие, когда на них производится продукция, реализация которой приносит прибыль и т.д. Поэтому в «частной собственности на средства производства» как ключевом элементе марксистской классовой теории важны не сами средства производства, а отношения частной собственности на них, то есть структурированная особым образом устойчивая практика.

И здесь возникает вопрос: какая сила обеспечивает структурирование человеческой деятельности в устойчивых формах классового поля? Это власть в разных ее формах. Государство с помощью законов декларирует незыблемость права частной собственности. Силой репрессивного аппарата оно превращает словесные декларации в социальные гарантии: те члены общества, которые не уважают чужую собственность (воры, грабители, махинаторы и т.д.), наказываются как уголовные преступники. Аналогичным образом через государственное регулирование и гарантии структурируются трудовые отношения. Нормативная система, на которой базируется практика классовых отношений, легитимируется через систему социализации (семейное, школьное, церковное воспитание, СМИ и т.д.). В результате основная масса индивидов не покушается на чужую собственность не потому, что боится полиции, а просто в силу признания ее законного характера. Таким образом, власть структурирует практику в формах классовых отношений. На индивидуальном уровне эта практика кристаллизуется в габитусах, обеспечивающих свободное и добровольное следование нормам классовых полей³.

Субъекты социального конструирования

В формировании классовой структуры участвуют субъекты разного уровня: на одном полюсе – индивиды, преследующие свои осознанные классовые интересы, на другом – социальные коллективы и институты, конструирующие и поддерживающие определенную конфигурацию социально-экономического пространства. Поэтому классовый анализ возможен как на макро-, так и на микроуровне. Структуралистско-

³ В классическом марксизме классы формируются производственными отношениями, классовая граница – это различия в отношениях собственности на средства производства: капиталистическое общество распадается на две большие группы – имеющих капитал и не имеющих его, а потому вынужденных продавать свою рабочую силу собственникам рабочих мест. Однако это не формально-юридические отношения, не нормы, существующие на бумаге, а реальные социальные практики купли-продажи рабочей силы, контроля и эксплуатации.

конструктивистская парадигма открывает возможности для гуманистического подхода к этой традиционно обезличенной сфере общественных отношений. Проблема социальной свободы индивида, зажатого в рамки классовой структуры, превращается в одну из ключевых.

Государство устанавливает, меняет, корректирует правила игры на рынке труда и капитала и этим определяет основные контуры социальной структуры. Правда, переоценивать его возможности не стоит. Оно в состоянии лишь определить общие контуры социального пространства, создающие более или менее мощные препятствия для развития классовых отношений или, наоборот, стимулирующие их.

Так, в феодальном обществе государство, думая в первую очередь об интересах собственных и интересах земледельцев, допускало развитие капиталистических отношений лишь в ограниченных пределах, создавало препятствия для формирования свободного рынка, но в то же время, нуждаясь в пополнении казны, не могло не создавать в социальном пространстве ниши для формирования частного бизнеса, рынка труда.

Государства, возникшие в результате буржуазных революций и эволюций, опирались в первую очередь на капиталистическую экономику. Поэтому силой своей власти они структурировали и структурируют социальное пространство так, чтобы создать благоприятные условия для развития такой экономики. Адекватной социальной формой для нее является в первую очередь классовая структура.

Государство советского типа ставило своей задачей построение бесклассового общества, опирающегося на государственный способ производства. Отсюда социальная политика, направленная на такую реструктуризацию социального пространства, которая бы предотвращала развитие классовой структуры (запрет частной собственности на средства производства и наемного труда в частном секторе) (подробнее см.: Ильин 1996).

Постсоветское государство, взяв курс на создание капиталистической рыночной экономики, вполне логично сняло все препятствия на пути формирования классовой структуры и провело крупномасштабные мероприятия, формирующие контуры этой структуры (приватизация государственной собственности, формирование рынка труда и капиталов и т.д.). Иначе говоря, государство обладает достаточным потенциалом как для формирования общих контуров классовой структуры и стимулирования ее формирования, так и для ее разрушения. История дает многочисленные примеры его конструкторской деятельности как в одном, так и в другом направлении.

Однако государство не всесильно. Социальная структура конструируется в первую очередь миллионами индивидов, преследующих свои осознанные социально-экономические интересы. В феодальном общест-

ве, несмотря на препятствия, чинимые дворянским государством, одни индивиды создавали торговые компании, мануфактуры и банки, другие продавали свою рабочую силу, что вело к формированию классовой структуры и ее развитию. В капиталистическом обществе не государство, а собственники капитала создают большие и малые фирмы, корпорации, рабочие места; не государство, а осознанный экономический интерес гонит миллионы людей на рынок труда продавать свою рабочую силу, вступать в классовые отношения с работодателями. Микро-ячейки классового пространства конструируются индивидами в рамках свободы, данной государством.

В обществе советского типа, несмотря на энергичные и жесткие усилия государства по формированию бесклассовой структуры, классовые отношения, что называется, «лезли из всех щелей». Рабочие совхозов, колхозники по совместительству создавали (конструировали) частные приусадебные хозяйства, т.е. статусные позиции крестьянского и фермерского классов, чиновники явочным порядком приватизировали свои позиции в аппарате управления и торговали своими услугами, что вело к формированию бюрократического капитала и т.д. Таким образом, в целом бесклассовое советское общество имело множество ростков классовой структуры.

В постсоветском обществе масса индивидов, не имея ничего, кроме творческого интеллекта, характера и рук, стала создавать мини-предприятия, которые проникали в ниши, открытые государством. Каждый «челночник» здесь выступает в качестве конструктора и строителя своей ячейки в классовой структуре.

Нередко активное ядро класса выступает в качестве активного и влиятельного агента социальных трансформаций. Под его давлением или в результате его конструкторской деятельности видоизменяется социальная иерархия или формируется новая⁴.

Конструирование класса как социального субъекта

Классовое поле заполняется массой индивидов, которые имеют общие объективные интересы. Осознав их, они потенциально могут превратиться в классовый коллектив – агент социальных трансформаций⁵.

⁴ В марксизме классы рассматриваются как основные субъекты социальных изменений, а классовая борьба – как движущая сила истории. Однако, как мне представляется, это явное преувеличение. Нигде и никогда целый класс такой роли за пределами своей повседневной классовой практики не играл. В область политики, социальных конфликтов и общественных движений даже в пиковые моменты истории вовлекалась только часть тех или иных классов – их активное ядро.

⁵ К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», говоря о французском крестьянстве, утверждал, что оно не формирует класс, поскольку не способно организо-

Наличие у членов классов однотипных социальных позиций, а следовательно — и объективных условий создает объективные предпосылки для их совместных действий⁶.

Повседневные практики разных классов и одних и тех же классов в разных странах и в разные периоды сильно различаются. В одних случаях они способствуют самоорганизации, в других — препятствуют ей. Так, объективно благоприятные условия для самоорганизации имеет крупная и в меньшей мере средняя буржуазия, некоторые группы индустриального пролетариата (прежде всего крупных предприятий тяжелой промышленности⁷). Мелкая буржуазия, особенно крестьянство, находятся в условиях, которые менее всего благоприятствуют их самоорганизации и делают самыми незащищенными. Осознание объективных интересов членами классов идет как в ходе их повседневной практики, так и через политическую работу тех организаций, которые нуждаются в данном классе для достижения своих целей.

Политическая работа по превращению, говоря словами К. Маркса, класса-в-себе в класс-для-себя состоит в агитации, пропаганде, вовлечении в общественные акции (забастовки, демонстрации, пикетирование, митинги и т.д.). В ходе такой практики вырабатывается и углубляется чувство классовой общности, солидарности, навыки коллективных действий. Все это ведет к превращению массы индивидов, занимающих однотипные классовые позиции, в классовый коллектив.

Повседневные классовые практики могут вести к выработке классового самосознания, отражающего осознанные классовые интересы, содержащего социальный проект, устремленный в будущее (т.е. представления о том, как лучше всего интересы реализовать). Борьба за повседневные интересы любого класса рано или поздно сталкивается с дефицитом ресурсов классового пространства, требует выхода за его пределы в область политической и идеологической борьбы.

Конструирование классового коллектива имеет два уровня.

(1) *Уровень выражения и защиты повседневных интересов класса.*

У рабочих эту функцию обычно выполняют профессиональные союзы, у буржуазии — разного рода ассоциации, союзы (промышленников, торговцев и т.д.). Эти организации обычно имеют отраслевой характер или состоят из отраслевых организаций

ваться и защищать свои общие интересы. Здесь он понимал под классом классовый коллектив.

⁶ При всем различии понимания классовых ситуаций Марксом и Вебером, оба рассматривали их как основу для коллективных действий (Hindess 1987: 22).

⁷ Здесь сами условия организации производства благоприятствуют социальной самоорганизации. Именно этим объясняет высокий уровень ионизации в этих отраслях в большинстве западных стран. В СССР и России шахтеры по тем же причинам стали авангардом движения социального протеста (см. подробнее В.Ильин (1998)).

(например, объединения профсоюзов). На этом уровне в основном члены класса объединяются для совместных действий, хотя четко проявляется и тенденция выделения слоя профессиональных защитников – бюрократов, работающих в профсоюзах и ассоциациях.

- (2) *Уровень выражения и защиты политических интересов класса.* Здесь возникает странный парадокс. С одной стороны, в рамках повседневных практик многие классовые интересы не поддаются полной реализации, возникает потребность выхода на простор политической борьбы. Классический пример – возникновение в Великобритании XIX – начала XX веков из стихийного рабочего движения профсоюзов, а из профсоюзного движения – парламентской лейбористской партии. С другой стороны, за пределами классового пространства они могут быть реализованы только с помощью особых профессиональных групп – идеологов, политиков, партийных и профсоюзных бюрократов, журналистов и т.д.⁸ Эти группы людей, занимают позиции за пределами классового поля, на представительство интересов которого они претендуют⁹. Более того, они берут на себя функции конструирования классового коллектива¹⁰. Их положение в

⁸ К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» поднимал эту проблему, отмечая, что интересы буржуазии в исследуемых им событиях представлялись не столько членами этого класса, сколько «республикански настроенными» писателями, адвокатами, офицерами и чиновниками. Здесь Маркс признает «*существование политических сил и поля политического конфликта, которые напрямую не объяснимы в терминах экономических отношений*» (Hindess 1987: 19). В. Ленин ставил условием превращения пролетариата в класс-для-себя создание революционной партии. «*Организация революционеров*, – писал он, – *должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности*». Строительство партии, по его плану, должно было начинаться с создания газеты – «*штаба специалистов-писателей, специалистов-корреспондентов*» (Т.6: 112, 150). Ленин считал, что коренные интересы пролетариата могут быть реализованы лишь через социалистическую революцию, однако сам пролетариат не в состоянии выработать социалистическое сознание, оно привносится в рабочее движение революционной интеллигенцией.

⁹ Это так называемый «железный закон олигархии».

¹⁰ В большевистской идеологии коренные интересы рабочего класса связывались только с социалистической революцией, которую может совершить лишь сам рабочий класс, проникшийся социалистическими идеалами, ставший организованным коллективом. Однако социалистическое сознание, как писал В. Ленин, «*могло быть привнесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т.п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые вырабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции*» (Т.6: 30-31).

социальном пространстве не может не порождать особых объективных интересов, не совпадающих или вообще противоположных интересам защищаемого ими класса. Представители класса оказываются самостоятельной группой, часто стоящей особняком по отношению к защищаемому ею классу.

3. Специфика классовой структуры

Социальное пространство имеет несколько срезов. Один из них представлен классовой структурой. Ее содержанием являются социальные отношения особого рода, отличающие ее от профессиональной, этнической, административной, гендерной и т.п. структур. В чем же ее специфика? В ключевой роли капитала. Классы – это социальные поля, различающиеся своим отношением к капиталу.

Очевидно, что роль собственности как материального воплощения классовой границы в XX веке постоянно падает. На это указывают все критики классового анализа. Однако здесь стоит оговориться, что К. Маркс писал не о собственности, а о капитале в форме собственности на средства производства и денежном капитале. Сведение его классовой теории к собственности – это лишь очень старый и не очень честный прием полемики.

Мне представляется, что модернизация классического марксизма должна вестись прежде всего по пути модернизации представлений о капитале. Его материальная форма не сводима к тем, о которых идет речь у К. Маркса.

Качественной особенностью классовой структуры является то, что ее составляют отношения, возникающие между трудом и капиталом. Ядро этих отношений – процесс купли-продажи рабочей силы в широком смысле этого слова. В них участвует не только непосредственный работодатель и наемный работник, но и банк, выдавший ему кредит, все многочисленные акционеры (как физические, так и юридические лица).

С точки зрения структуралистской парадигмы, капитал как один из полюсов классовой структуры не нуждается в персонификации. Он в равной мере может быть представлен любым субъектом – и индивидом, и банком, и промышленной корпорацией. Капитал – это часть социального пространства, в которую входит некоторая часть людей, попадая в его силовое поле. При этом индивид может войти в него как полностью, вместе со всей своей семьей, так и лишь частично. Например, рабочий, владеющий несколькими акциями, входит на самый край силового поля капитала, что предопределяет его очень маленькую зависимость от этого поля (он живет за счет заработной платы) по сравнению с теми людьми, которые живут исключительно за счет дивидендов от своего

капитала. При этом тот факт, что большинство собственников капитала сейчас владеют не конкретными предприятиями, а акциями разных компаний, ничего не меняет в логике классового анализа: класс капиталистов – это не большая группа людей, а социальное поле капитала, который представляет собой определенного типа социальное отношение.

Классовая структура формируется по одному критерию – отношению к капиталу. Это предполагает два полярных среза: позиции, поля, наделенные капиталом и лишенные его. Поэтому основными элементами классовой структуры являются: рабочий класс (социальное поле, лишенное капитала и предполагающее вознаграждение в форме заработной платы, его ресурс – продаваемая рабочая сила) и буржуазия (социальное поле, наделенное капиталом и в силу этого предполагающее вознаграждение в форме дивидендов на капитал). Между этими полюсами – промежуточные социальные поля, для которых характерно сочетание двух типов ресурсов – капитала и труда. Это поля средних классов – старого (традиционного) и нового. Это поля с размытыми границами в сторону как буржуазии, так и рабочего класса. Наличие средних классов очевидно и признается почти всеми исследователями классовой структуры, однако границы этих классов – предмет более чем спорный.

Далеко не все члены общества вписываются в классовую структуру и, соответственно, являются членами того или иного класса. Вне этой структуры оказываются все, кто прямо или косвенно не выходит на рынок труда и капитала (дети, домохозяйки, студенты, безработные, пенсионеры, а также маргинальные низы общества). Это не исключает того, что их жизнь может в значительной мере определяться тем или иным силовым классовым полем. Например, жена-домохозяйка в рабочей семье – в зоне влияния одного поля, а ее коллега из буржуазной семьи – в зоне совершенно иного силового поля.

4. Капитал как социальное отношение

В классической социологии собственность выступает в качестве ключевого элемента классовой границы. Отношение к средствам производства – основной классовообразующий фактор в теории марксизма. М.Вебер также не игнорировал критерий собственности¹¹. Переход к

¹¹ Как отмечает Ф.Паркин, Макс Вебер «в этом отношении полностью согласен с Марксом» (Parkin 1994: 145). Как известно, М.Вебер утверждал, что «собственность» предопределяет в целом жизненные шансы тех, кто встречается на рынке труда для обмена. Не владеющие собственностью исключаются из числа претендентов на особенно ценные товары, в то время как собственники оказываются в монопольном положении как их потребители. Кроме того, наличие собственности увеличивает власть собственников над несобственниками в войне цен. Последние не могут предложить на рынке ничего, кроме своих услуг или товаров, произведенных собственными руками. При этом они вынуждены

корпоративному капитализму, возникновение нового среднего класса ставят проблемы, которые при помощи этого критерия не решить. Необходима более широкая категория. Ею вполне может быть понятие капитала.

В общественных науках капитал определяется весьма ситуативно: содержание в значительной мере зависит, во-первых, от науки, в которой оно используется, и, во-вторых, от конкретных задач, которые ставит перед собой данный исследователь. Поэтому нередко разные определения носят не взаимоисключающий, а взаимодополняющий характер и схватывают разные стороны одного и того же явления¹².

В современной социологии, обществоведении вообще и политике нередко не делается различие между понятиями собственности и капитала. Этот подход имеет длинную историю¹³. В политике это вполне рациональная тактика правых, позволяющая мобилизовать на борьбу с левыми массу избирателей, имеющих дома, квартиры, автомобили и прочую собственность. В социологии подобная терминологическая неточность влечет за собой размывание классовых границ до такой степени, что само понятие класса становится сомнительным и вполне логичным является вывод об анахронизме классового анализа. Поэтому без уточнения категории капитала с учетом потребностей социологии сомнительны перспективы и категории класса. *«Явно необходимо, – отмечает Паркин, – различать собственность как владение (possessions) и собственность как капитал, поскольку только последняя уместна в анализе классовых систем»* (Parkin 1994: 147). В марксизме этот тезис традиционно относится к категории азбучных.

Капитал – это процесс. По словам К. Маркса, *«объективное содержание этого процесса – возрастание стоимости»* (1987. Т.7: 146). Это движение, в ходе которого стоимость *«сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает»* (Там же: 147).

избавляться на рынке от этих продуктов, чтобы обеспечить себе средства существования (Gerth 1991: 181-182). М.Вебер явно смешивал понятия капитала и собственности. В дальнейшем под влиянием структурно-функционального анализа, делавшего упор на разделении труда, интерес западной немарксистской социологии к собственности как фактору социальной стратификации упал.

¹² В данной работе опускается историко-социологический анализ понятия. Даже беглый обзор концепций потребовал бы целой монографии. Экскурс в историю социологии и других наук делается лишь в тех случаях, когда без него затруднительно понимание предлагаемой здесь концепции.

¹³ Как отмечает Ф.Паркин, Гегель, Дюркгейм и многие современные социологи *«никогда не проводили грань между собственностью как правом личного владения и собственностью как капиталом. Парсонс – лишь один из многих, кто сводит все формы собственности к статусу владения»* (Parkin 1994: 146).

Капитал – это своего рода коэффициент перед показателем простого труда, который в определенном рыночном контексте *может* вести к возрастанию стоимости продукта простого труда.

Так, с помощью простого труда и рук можно построить жилище из древесных материалов. Его цена равна X. Использование топора увеличивает производительность и качество продукта, использование комплекта плотницких инструментов выводит товар на новый уровень, применение современного оборудования с программным управлением придает жилищу принципиально новое качество. В данном случае к простому физическому труду добавляется капитал в форме средств производства, многократно увеличивая производительность простого труда. Роль такого коэффициента выполняют не только средства производства, но и знания, опыт. Так, хорошо обученные и опытные рабочие построят дом гораздо быстрее и качественнее, чем строитель-дилетант, не имеющий ничего, кроме рук и намерения.

В классических теориях капитал ограничивался конкретными материальными формами: деньгами и средствами производства. В XX в. были сделаны попытки расширить понятие капитала на новые объекты. Так, появились понятия «человеческого», «социального», «культурного» капитала. Однако расширение списка материальных форм капитала только подчеркивает необходимость определения сущности этого явления.

В принципе, капитал может иметь любую материальную форму, сохраняя при этом свое содержание как процесса самовозрастания стоимости¹⁴. Форма – это лишь потенциал, который может быть реализован или не реализован. Поэтому одна и та же форма может использоваться для разного содержания. Так, деньги – это форма существования и капитала, и сокровищ, станок – это форма и капитала, и металлолома.

Носителем стоимости может быть что угодно. Классическая форма – деньги. Но не всякие деньги являются капиталом: деньги, зарытые в саду, – это сокровище, деньги, проедаемые от зарплаты до зарплаты, – это средства существования, и только деньги растущие, приносящие проценты (дивиденды), становятся капиталом. Другая классическая форма носителя отношений, называемых капиталом, – средства производства. Однако станки, которые не работают, – это груда металлолома,

¹⁴ «Капитал – это богатство, стоимость которого связана не с его физическими характеристиками, а с его использованием для увеличения объема капитала... Физические характеристики товаров не имеют ничего общего с их функциями средства к получению богатства: капиталист может стать богатым на угле или металлическом ломе, который никто не может представить как богатство. По тем же признакам картина Рембрандта, которая является явным воплощением богатства, выступает в качестве капитала лишь тогда, когда она нужна не сама по себе, а как ступенька на пути к увеличению объема капитала. В этой ситуации владелец Рембрандта становится торговцем произведениями искусства» (Heilbroner: 46–47).

и лишь станки, приносящие прибыль, превращаются в капитал. Один и тот же материальный предмет может быть и не быть капиталом. Так, легковой автомобиль, используемый для личного передвижения, – это предмет потребления, а тот же автомобиль, превращенный в такси, становится капиталом.

Такое превращение возможно лишь в контексте рыночного общества. Поэтому капитал – это исторически конкретная форма социальных отношений, содержанием которых является возрастание стоимости любого материального или идеального объекта в результате рыночного обмена.

Классические формы капитала – деньги и средства производства (в современном обществе это чаще владение не ими самими, а акциями). Однако капиталом становятся и социальные отношения, ведущие к получению прибыли. Например, дружеские связи, позволяющие получить льготный кредит, оборачиваются прибылью – это социальный капитал. В этом контексте доверие, дружба, родственные связи и т.д. превращаются в капитал, если они являются рыночным ресурсом, способным приносить прибыль.

Культурный капитал – это такие культурные ресурсы, которые в контексте рыночного обмена способны приносить прибыль. Например, создается маленькая фирма. У одного учредителя есть деньги, а у другого – идеи (бизнес-план) и образование, навыки, позволяющие организовать бизнес. Один без другого ничего не может. И они выступают равными партнерами: один внес денежный, а другой – культурный капитал.

5. Основные элементы классовой структуры

Капитал является социальным отношением, прочерчивающим границу между классами, которые делятся, во-первых, на имеющих и не имеющих капитал, во-вторых, по характеру имеющегося капитала. Соответственно, социально-классовое пространство делится на четыре основные поля:

- (1) *Социальное поле рабочего класса.* Оно состоит из статусных позиций, которые занимают простую наемную рабочую силу, продающуюся и покупающуюся как товар. Материальное вознаграждение – заработная плата, равная рыночной цене простой рабочей силы. Рабочая сила – это способность к труду. «Под рабочей силой, или способностью к труду, – отмечал К. Маркс, – мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает механизм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (1987. Т.7: 159). Рабочая сила – это руки, способные к труду, и мозг, способный

этими руками управлять. Для функционирования пролетарской позиции как идеального типа необходим работник, которого Аристотель в свое время назвал «говорящим орудием». От него требуется мозг только для того, чтобы слушать команды, и руки, чтобы эти команды выполнять. Никаких знаний, опыта, навыков в этой позиции не надо. Ближе всего к этому идеальному типу неквалифицированный работник, работающий в режиме «возьми это и отнеси туда». Это поле рабочего класса (пролетариата).

- (2) *Социальное поле буржуазии.* Здесь статусные позиции требуют внешних по отношению к индивидам видов капитала (денег, средств производства, землю). Формой материального вознаграждения являются дивиденды на капитал. Это классовое поле буржуазии. Ближе всего к идеальному типу буржуа рантье.
- (3) *Социальное поле традиционного среднего класса.* Оно состоит из статусных позиций, требующих соединения в одном лице рабочей силы и организационного капитала. Типичная статусная позиция этого поля – работник, непосредственно выходящий на рынок товаров или услуг. Эта позиция часто дополняется средствами производства и денежным капиталом (фермеры, ремесленники, мелкие торговцы и т.д.), однако нередко она может обходиться и без них (адвокат, иногда врач, консультант, художник и т.п. имеют обычно только культурный и организационный капитал). Формой материального вознаграждения является доход, включающий и заработную плату, и разного вида дивиденды. Это поле традиционного (старого) среднего класса, представленного собственниками мелких предприятий, в которых хозяин и работник выступают в одном лице. Для этой позиции характерна независимость, оплачиваемая риском непосредственного вхождения в рынок товаров и услуг.
- (4) *Социальное поле нового среднего класса.* Здесь статусные позиции, занимаемые наемной рабочей силой, дополненной личностными формами капитала (культурным и социальным, выступающими в форме знаний, навыков, опыта, связей и т.п.), и защищаемые от риска соприкосновения с рынком контрактом с фирмой (отношениями найма). Иначе говоря, эта позиция соприкасается с рынком не непосредственно, а в составе фирмы, с которой она связывается трудовым контрактом. Эта позиция относительно защищена от превратностей рынка, что оплачивается зависимостью, порождаемой включением в административную иерархию. Материальное вознаграждение в этих позициях представлено частично заработной платой, но в основном дивидендами на культурный капитал.

6. Исторические рамки классовой структуры

Классовые отношения возникают лишь в процессе производства, регулируемого рынком. В социологии на этот счет имеются и иные мнения. Разумеется, любую группу людей или статусных позиций можно назвать классом, поскольку слова не атрибут явления или вещи, а символ (ярлык), навешиваемый людьми. Проблема состоит не в том, как называть (в конце концов, в процессе перевода каждый предмет в каждом языке получает свое название), а в том, чтобы разные явления объективной реальности не назывались одинаковыми словами, что неизбежно приносит путаницу. Если мы рассматриваем деление на рабов и рабовладельцев, лордов-землевладельцев и крепостных, капиталистов и пролетариев как основанное на разных механизмах социальной дифференциации, то и термины нужны различные. Сторонники идеи существования классов вне рамок капиталистического общества нередко вынуждены прибегать к категории «класс-сословие». Но тогда почему не просто «сословие»? Я исхожу из того, что в выше перечисленных случаях мы имеем дело с разными типами структур. Товарное производство порождает особую структуру, качественно отличающуюся от докапиталистических структур, основанных прежде всего на внеэкономическом принуждении. В капиталистическом же обществе рабочая сила выступает как товар, продаваемый ее владельцем и покупаемый собственником средств производства (рабочих мест). Купля-продажа основывается на свободном контракте двух сторон, хорошо знакомом нам по часто слышимой на рынке фразе: «Нравится – покупай, не нравится – проходи мимо».

В силу этого классовая структура – это явление, характерное лишь для общества, где производство носит товарный характер, регулируется рынком, в том числе и рынком труда и капиталов. Зачатки рынка существуют в самых разных типах общества, однако лишь при капитализме рынок приобретает глобальный масштаб. Такой подход соответствует пониманию классов как поздним К. Марксом, так и М. Вебером, хотя употребление ими категории класса не всегда последовательно совпадает с их концепциями классовой структуры.

Ф. Паркин, анализируя взгляды Вебера на классовую структуру, совершенно верно отмечает: *«Социальные классы появляются только при наличии двух взаимосвязанных условий: владения собственностью и продажи трудовых услуг на рынке. Классы не могут существовать там, где система распределения основывается на чем-то ином, кроме частной собственности и рыночных силах (...)*

Для Вебера, таким образом, история всех до сих пор существовавших обществ не была историей борьбы классов. Борьба других групп, не являющихся классами, может быть столь же интенсивной. Рабство и бюрократия были формами господства, которые были слабо связаны со свободной игрой рыночных сил и контрактными отношениями, являвшимися необходимыми условиями господства одного класса над другим. Один из следующих отсюда выводов состоит в том, что современные социалистические государства, покончив с частной собственностью и рынком, должны рассматриваться как бесклассовые общества. Вебер, вероятно, согласился бы с мнением Троцкого, что бюрократии советского типа не были господствующими и эксплуатирующими классами, несмотря на обладание огромной властью и привилегиями» (Parkin 1982: 92-93)¹⁵.

7. Феномен нового среднего класса

Одна из главных проблем, с которой столкнулся классовый анализ в XX веке, — появление в западном обществе массового нового среднего класса. Интерес к этому феномену появился в западной социологии только после второй мировой войны (см.: Burtis 1995, Giddens 1995). Этот класс вырос из конторского пролетариата (рабочего класса). Он, как и рабочий класс, характеризуется продажей рабочей силы.

Рабочая сила — это только физические и интеллектуальные потенции¹⁶. Ее можно сравнить с компьютером, в котором нет программного обеспечения. Идеальный тип пролетария (члена рабочего класса) — человек, имеющий физические силы и ум, достаточные для неквалифициро-

¹⁵ Концепция бесклассового характера общества советского типа не является бесспорной. Ей противостоит значительная группа классовых концепций, различающихся более или менее существенными нюансами. Их суть состоит в том, что на смену классовому господству буржуазии в результате так называемых «социалистических революций» пришло господство бюрократии, имеющее классовый характер. Советская (коммунистическая) бюрократия (номенклатура), согласно этим концепциям, представляет собой новый господствующий класс. В наиболее разработанном виде эта идея представлена в концепциях «нового класса» М.Джиласа (1992), Восленского (1991), Гоулднера, Конрада и Селеньи. Другая разновидность классовых концепций — это сталинская «трехчленка», согласно которой в СССР после «полной победы социализма» сформировалась новая классовая структура, состоящая из рабочего класса, колхозного крестьянства и «народной интеллигенции». Эта концепция безраздельно господствовала в советском обществоведении с середины 1930-х гг. Правда, в эмпирических работах ряда социологов (О.Шкаратана и др.) довольно четко делался акцент на изучении слоевой, а не классовой структуры. Лишь в начале 1990-х гг. в советской социологической литературе была сформулирована идея бесклассового характера общества советского типа (Заславская и Рывкина 1991, Ильин 1991, Радаев и Шкаратан 1991, Шкаратан 1991).

¹⁶ В этом контексте определение рабочей силы, данное К. Марксом, нуждается в уточнении: физический и психический потенциалы должны быть аналитически разведены с какими бы то ни было культурными ресурсами (навыки, опыт, образование и т.д.).

ванного труда. При этом это может быть работа как руками, так и головой. Землекоп и учетчик, ставящий «галочки», – равноценные позиции в классовой структуре. Их может занимать любой человек, обладающий нормальным набором физических и интеллектуальных качеств.

Однако большинство позиций в системе материального и духовного производства, особенно современного, требуют более или менее существенного запаса знаний, навыков, т.е. культурного потенциала. Без этого потенциала работник не поведет поезд, а разобьет его вместе с пассажирами. Получение этих знаний и опыта требует более или менее значительных затрат и денег (в условиях не только платного, но и бесплатного обучения, поскольку предполагаются большие расходы на жилье, питание во время учебы, книги и т.д.), и времени. В условиях рынка есть смысл нести эти затраты, если они в дальнейшем будут компенсированы. Кроме того, чем сложнее культурный ресурс, тем он дефицитнее, а в условиях рынка превышение спроса над предложением ведет к росту цены. Поэтому чем дефицитнее специалист (больше опыт, лучше образование, репутация), тем больше желающих его нанять, тем больший предлагается денежный доход.

Денежный доход наемного работника в позиции нового среднего класса состоит из двух основных частей: 1) заработная плата, равная стоимости рабочей силы, которая одинакова и у генерального директора, и у грузчика; 2) дивиденды на культурный капитал.

У рабочего тоже могут быть дивиденды на культурный капитал (например, плата за разряд, за стаж и т.д.), но основной доход рабочего – это заработная плата. Поэтому классовые различия между пролетариатом и средними слоями состоят не в наборе элементов их дохода, а в их количественных соотношениях, которые формируют новое качество. У представителей нового среднего класса основной доход – это дивиденды на культурный капитал, а заработная плата носит характер вспомогательного дохода (доход может в десятки раз превышать зарплату неквалифицированного рабочего). Новый средний класс участвует в процессе присвоения прибавочной стоимости, что ставит его в противоречивую классовую позицию. Так, Эрик Райт, говоря о среднем классе, совершенно правомерно выделяет его особую позицию в системе классовой эксплуатации: *«Он эксплуатирует посредством одного механизма, но он же эксплуатирует посредством другого. Таким образом, средний класс является одновременно эксплуатируемым и эксплуататором»* (Проблема... 1995: 145).

Культурный капитал не равнозначен культурным ресурсам. Под последним понимается образование, опыт, навыки. Однако капитал – это стоимость, создающая новую стоимость. В связи с этим возникает вопрос: существовал ли новый средний класс или средние слои в обществе государственно-монополистического социализма?

Идеальный тип государственно-монополистического социализма не предполагал механизмов формирования новых средних слоев, поскольку ликвидировался рынок труда, а дивиденды на культурный капитал в административном порядке присваивало государство. Так, Ф.Энгельс писал: *«В обществе частных производителей расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы; искусный раб продается по более высокой цене, искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т.е. большие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на добавочную оплату»* (Энгельс 1986: 186).

Наличие дивидендов определяется не размером доходов, а их характером. Действительно, художественная, научная и управленческая элита советского общества нередко получала доходы, очень существенно превышавшие средние доходы по стране, данному региону или отрасли. Однако называть эти доходы дивидендами было бы неправильно. Во-первых, средние доходы по стране, отрасли в таком типе общества не являются показателем цены рабочей силы, поскольку они формируются не на рынке труда и капиталов, не являются результатом торга с учетом рыночной конъюнктуры, а в одностороннем порядке назначаются государством. Такой порядок оплаты не имеет никакого отношения к рыночной цене. Во-вторых, ценность культурного багажа в обществе государственно-монополистического социализма определяется не рыночным спросом, а в результате оценки субъектом административной власти, т.е. партийным государством и отдельными его представителями, облеченными соответствующими полномочиями. В такой ситуации популярный в народе гений или талант могли жить на грани нищеты, будучи не в состоянии свободно продавать свои произведения, свои навыки.

Однако реальное общество, как уже отмечалось выше, имело много посторонних «примесей». В рамках теневой экономики советского общества развивалось рыночное культурное производство. На этом рынке обладатель культурной стоимости мог при благоприятной рыночной конъюнктуре превратить ее в капитал.

В условиях рынка один и тот же культурный ресурс может быть капиталом, а может и не быть. Если на специалистов типа А нет спроса, то их культурный ресурс не приносит их обладателям никаких или почти никаких дивидендов. Так, специалист экстракласса, который не пользуется большим платежеспособным спросом на рынке труда, оказывается в рядах рабочего класса, даже работая по своей специальности, ибо в таких условиях его можно нанять за минимальные средства (его выбор — между безработицей и принятием непривлекательного предложения). В

таком случае работодатель покупает его рабочую силу и бесплатно получает в качестве приложения культурные ресурсы (положение основной части интеллигенции в постсоветской России). В иной рыночной ситуации он же может оказаться в большой цене и получать дивиденды на культурный капитал. Поэтому само по себе образование, опыт, знания не являются культурным капиталом, они могут превратиться в капитал лишь в процессе рыночного обмена, дающего дивиденды на культурный капитал. Отсюда следует, что профессиональная структура может сильно расходиться с классовой. Это проявляется в том, что в одной стране обладатель культурного ресурса X попадает в ряды нового среднего класса, а в другой стране он в рядах рабочего класса. Такие же колебания возможны и между регионами. Поэтому при таком понимании классовой структуры попытки подменить классовый анализ изучением профессиональной структуры не имеют смысла.

Проблема операционализации культурного капитала

Сущность, по словам Гегеля, является, а явление существенно. Культурный капитал – это сущность, которая скрыта от глаз, но она «является» в форме относительно высокого жалования (заработной платы). Дивиденды на культурный капитал обычно не начисляются столь открыто и понятно, как дивиденды на акции. Эта форма участия в бизнесе камуфлируется в форме заработной платы и жалования, которые обрастают многочисленными или существенными коррективами: плата за степень, звание, стаж, за ненормированный рабочий день, за сложность, «лечебные» и т.д.

Разумеется, эмпирическая операционализация такого сложного понятия, как культурный капитал, не может быть простой. Это проблема перевода запутанных качественных характеристик в простые эмпирические индикаторы. Такой перевод качества в количество не может идти без потерь, поскольку квантификация – это интеллектуальная операция, требующая упрощения объекта.

Исходная точка эмпирической операционализации – определение цены рабочей силы для данного города в данный момент времени. Это требует перевода теоретического определения на язык денег. Разумеется, точный перевод таких качественных характеристик в количественные невозможен. Речь может идти лишь о допустимых упрощениях и погрешностях. Примерный ориентир – зарплата, за которую здесь и сейчас можно нанять неквалифицированного или низкоквалифицированного рабочего. Ее соотношение с официальными статистическими показателями (прожиточный минимум, минимальная зарплата, средняя зарплата и т.д.) может быть различной. Но в любом случае ее уровень меньше средней зарплаты в данном городе или регионе.

К пространству нового среднего класса, видимо, нельзя отнести и те рабочие места, где основная часть материального вознаграждения – это заработная плата, а дивиденды на культурный капитал (превышение над зарплатой) – лишь более или менее существенные доплаты (например, доход квалифицированных рабочих). Количество дивидендов не переходит в новое качество, позволяющее говорить о том, что данная позиция находится в поле нового среднего класса. Поэтому к новому среднему классу стоит относить лишь те позиции, в которых ключевая часть дохода – дивиденды на культурный капитал (то есть превышение средней зарплаты в городе, регионе по крайней мере в 2-3 раза).

Часть дивидендов на культурный капитал выплачивается в натуральной и чаще всего закамуфлированной форме. Это персональный транспорт (часто в форме престижных моделей), кабинеты повышенной комфортности и престижности, дополнительные дни к отпуску, гибкий график работы, командировки, которые сливаются с туристическими поездками, и т.д. Наличие таких натуральных форм выплаты дивидендов, не облагаемых налогами, позволяет существенно поднять уровень реальных доходов членов нового среднего класса по сравнению с рабочими.

* * *

Классовый анализ в своей классической форме сталкивается с проблемами его применения в современных условиях. Однако это не основание для отказа от него. Он вполне поддается модернизации на пути возврата не к букве, а духу классической марксистской концепции капитала. Отталкиваясь от нее, теоретический кризис, в котором оказалась классовая теория, можно преодолеть.

- *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: МП «Октябрь», «Советская Россия», 1991.
- *Восленский М.* Феодалный социализм // *Новый мир.* 1991. № 9. С.184-201.
- *Горшкова М.К., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю.* (Ред.). Средний класс в современном российском обществе. М.: РНИСи НП РОССПЭН, 1999.
- *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- *Замогильный С.И.* Эволюция теорий классов и современность. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989.
- *Замогильный С.И.* Динамика социальной дифференциации. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991.
- *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991.
- *Ильин В.И.* «Белые воротнички» в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? // *Рубеж: Альманах социальных исследований.* 1996. Вып. 8/9. С.98-123.
- *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ (1917-1996). Опыт структуралистско-конструктивистского анализа. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1996.

- *Ильин В.И.* Власть и уголь. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1998.
- *Кларк С.* Классовая структура России в переходный период // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1997. Вып. 10/11. С.66-86.
- Ленин В.И. Что делать? // Полное собр. соч. Т.6. С.1-192.
- *Маркс К.* Капитал. Т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. М., 1987. Т. 7.
- Проблема классов в современной социологии (интервью с Эриком Райтом) // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1995. № 6/7. С. 143-164.
- *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность // Соц. исслед. 1991. № 1.
- *Селеньи И.* Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1995. Вып. 6/7. С.198-223.
- *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
- *Шкаратан О.И.* Социализм или этакратизм? // Бюрократизм и самоуправление / Под ред. В.И.Ильина. Сыктывкар, 1990.
- *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения. М.: Издательство политической литературы, 1986. Т. 5.
- *Burris V.* The Discovery of the New Middle Classes // Vidich A. (ed.). The New Middle Classes. Life-Styles, Status Claims and Political Orientations. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 1995. P. 15-54.
- *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial society. London: Routledge and Kegan Paul, 1959.
- *Erikson R. and J.H.Goldthorpe.* The Constant Flux. A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- *Giddens A.* The Growth of the New Middle Class // Vidich A. (ed.). The New Middle Classes. Life-Styles, Status Claims and Political Orientations. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 1995. P. 103-132.
- *Gerth H.H., Mills C.W.* From Max Weber: Essays in Sociology. London, 1991.
- *Heilbroner R.* 21st Century Capitalism. New York, London: W.W.Norton & Company, 1993.
- *Hindess B.* Politics and Class Analysis. Basil Blackwell, 1987.
- *Konrad G. and I.Szelenyi.* The Intellectuals on the Road to Class Power. New York: Harcourt, Brace and Jovanovich, 1979/
- *Parkin F.* Max Weber. London, New York, 1982.
- *Parkin F.* Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique. London, New York, 1994.
- *Wright E.O.* Class Structure and Income Determination. New York, London, Toronto, Sydney, San Francisco: Academic Press: 1979.
- *Wright E.O.* Classes. London: Verso, 1985.
- *Vidich A.J.(Ed.)*. The New Middle Classes. Life-Styles, Status Claims and Political Orientations. Houndmills and London, Macmillan, 1995.